

В. А. Журавлева

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА ПО ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ 1939 г.

V. A. Zhuravleva

TO THE QUESTION OF URAL URBAN POPULATION NUMBER ON THE BASIS OF ALL-UNION CENSUS OF 1939

Статья посвящена критическому анализу численности городского населения Пермской, Свердловской и Челябинской областей по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. Автор на основе широкой источниковой базы показывает, что перепись была проведена таким образом, что исключала недоучет населения. Вся работа по разработке ее результатов была засекречена. В июне 1939 г. были опубликованы официальные данные переписи, но они не совпадали с итогами переписи, введенными в научный оборот в 1990-е гг. В статье рассматривается дискуссия о достоверности итогов переписи 1939 г. Автор присоединяется к ученым, которые, признавая факт фальсификации переписи, считали возможным использовать ее результаты при внесении в них соответствующих поправок. Автор, используя материалы переписи и современные историко-демографические исследования, предпринял попытку скорректировать число жителей уральских городов.

Ключевые слова: *историческая демография, городское население Урала, перепись населения.*

The article is devoted to the critical analyses of urban population number of Perm, Sverdlovsk and Chelyabinsk regions on the basis of data of All-Union population census of 1939. On the basis of a wide source base the author shows that the census was held in such a way that it excluded misreporting. All the work on development of its results was secure. In June 1939 the official census results were published but they did not coincide with the results introduced for scientific use in 1990s. The article considers the discussion of authenticity of census results of 1939. The author joins those scientists who while admitting the fact of census falsification also consider possible the usage of census results while modifying them. The author made an attempt to correct the number of Ural cities population while using materials of census and modern historical demographic researches.

Keywords: *historical demography, urban population of Ural, population census.*

В последние десятилетия внимание ученых привлечено к критическому осмыслению результатов Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г.¹ Этому способствовало обнародование ее итогов, долгое время скрытых в архивах². На Урале также появились публикации по исследованию материалов переписи 1939 г.³ Анализ научной литературы рубежа XX—XXI вв. показывает, несмотря на значительную работу по изучению материалов переписи 1939 г., до сих пор нет публикаций по оценке результатов численности населения Урала в конце 1930-х гг. Цель данной статьи — проанализировать результаты Всесоюзной переписи населения 1939 г. относительно достоверности численности горожан Урала. Исследование итогов переписи ведется в рамках Пермской, Свердловской и Челябинской областей в границах конца 1930-х гг. В их состав входили современные Курганская, Пермская, Свердловская и Челябинская области.

В городах и рабочих поселках Урала перепись завершилась 23 января 1939 г. Вследствие главного «дефекта» переписи 1937 г. — недоучета населения — она прошла под лозунгом: «Не пропустить ни одного человека!». Особое беспокойство у руководства переписью вызывали временно проживавшие и случайно ночевавшие в ночь с 16 на 17 января и временно отсутствовавшие граждане, особенно временно выехавшие целыми семьями с постоянного места жительства. Во время контрольных обходов следовало обратить внимание на прохождение переписи лицами, приехавшими после 16 января и оказавшимися в конкретной квартире в момент контрольных обходов⁴.

В ходе контрольных обходов состоялись совещания инструкторов-контролеров, на которых их внимание было обращено на недопустимость спешки и тщательность проверки результатов работы счетчиков. Однако и во время контрольных

обходов населения спешка все-таки была допущена. К примеру, в городах и рабочих поселках Пермской области спустя три дня после начала контрольных обходов работа была завершена на 45,7% счетных участках. Но такая поспешность сказалась на качестве: в Перми уже после контрольных обходов был обнаружен пропуск 5 семей. В результате оперативно принятых мер спешку удалось преодолеть: к концу 28 января 1939 г. контрольные проверки в крае были завершены только на 68% счетных участков. Неторопливая проверка работы переписчиков дала свои положительные результаты: если за первые три дня контрольных обходов было дополнительно внесено в переписные листы 456 чел., то за следующие два дня — уже 400 чел.⁵ Всего же в Пермской области контрольные обходы выявили в городских поселениях 1662 незаписанных в переписные листы, тогда как в сельской местности их было 2986 чел. Эти граждане составили 0,2% ко всему населению края⁶.

Подобная работа проводилась и в соседних регионах. Во время контрольных обходов в городах и рабочих поселках Челябинской области обнаружили 1047 неучтенных лиц против 3733 в сельской местности⁷. В том числе в Челябинске было пропущено 507 и ошибочно записан 91 чел.; Златоусте соответственно — 144 и 39⁸. Причем пропуски были сделаны не по вине счетчиков, а самих граждан. Среди пропущенных лиц в основном были временно проживавшие и временно отсутствовавшие лица.

Приемка материалов переписи во всех уральских городах была осуществлена в намеченные правительством сроки. В докладной записке начальника Пермского облУНХУ Мешавкина, адресованной в Бюро переписи населения ЦУНХУ и УНХУ РСФСР, отмечалось, что материалы по переписи, представленные с мест в облУНХУ, были полными.⁹ В кратком докладе в оргкомитет Президиума Верховного Совета РСФСР по Пермской области, представленном Мешавкиным 19 апреля 1939 г., говорилось, что перепись в регионе прошла организованно, на высоком политическом уровне, в точном соответствии с инструкцией, утвержденной СНК СССР¹⁰. Президиумы Челябинского облисполкома и Магнитогорского горсовета также дали высокую оценку проведенной переписи в крае¹¹. Горинспектор НХУ Златоуста докладывал в УНХУ Челябинской области: «Материал при приемке горинспектурой сплошь проверен и является хорошего качества»¹².

СНК СССР, заслушав сообщение Госплана СССР о результатах переписи населения 1939 г., отметил, что она проведена ЦУНХУ правильно, в соответствии с указаниями Правительства и требованиями статистической науки. Совнарком СССР объявил благодарность всем работникам переписи¹³.

Таким образом, Всесоюзная перепись населения 1939 г. была проведена с особой тщательностью, под жестким контролем центральных, областных и городских властей. В этих условиях и в реалиях конца 1930-х гг. трудно предполагать какой-либо недоучет населения.

Вся работа по разработке материалов переписи сразу же была засекречена. Еще 26 января 1939 г. бюро переписи населения Челябинской области

предупредило инспекторов местных НХУ о секретности сведений по численности населения отдельных населенных мест, полученных в ходе переписи. С итогами переписи было разрешено знакомить только городские и районные власти, особо предупреждая их о неразглашении данных¹⁴. Подобные распоряжения были и в соседних уральских областях. Начальник УНХУ Пермской области Мешавкин 14 мая 1939 г. докладывал в оргкомитет Президиума Верховного Совета РСФСР по Пермской области, что направленные в Москву цифровые итоги переписи являлись секретными и не подлежали опубликованию до обнародования официальных данных и использовались только при планировании хозяйственных нужд края¹⁵.

Вместе с тем в день появления в печати кратчайших данных переписи (2 июня 1939 г.) начальником ЦУНХУ И. В. Саутиным в местные органы народнохозяйственного учета была дана телеграмма, что публикация в печати результатов переписи сверх опубликованных кратких итогов без разрешения ЦУНХУ запрещена. Причиной этого, видимо, было опасение, что на местах могут быть оглашены сведения, противоречившие центральной публикации. Однако 29 июля 1939 г. ЦУНХУ разрешило начальникам УНХУ краев и областей предоставлять председателям плановых органов данные, в том числе и о численности населения по переписи, необходимые для разработки баланса рабочей силы. Еще через месяц СНК СССР своим специальным постановлением разрешил предоставлять партийным и советским органам и плановым комиссиям итоги переписи, но только для служебного пользования и лишь по численности населения. Таким образом, все другие материалы переписи оказались фактически под запретом, они были официально засекречены¹⁶.

СНК СССР своим постановлением от 1 июня 1939 г. «О Всесоюзной переписи населения 1939 года» разрешил Госплану СССР опубликовать в печати результаты переписи, касавшиеся численности населения страны, союзных республик и крупных городов¹⁷. В сообщении Государственной Плановой Комиссии Союза ССР об итогах Всесоюзной переписи населения 1939 г., опубликованном в газете «Правда» 2 июня того же года, были обнародованы и данные о численности населения уральских областей, в том числе и горожан края (см.: табл. 1¹⁸).

Таблица 1
Численность населения Пермской, Свердловской и Челябинской областей по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., чел.
(официальные данные)

Название области и города	Все население	В том числе городское
Пермская	2 082 166	822 804
Свердловская	2 512 175	1 508 507
Челябинская	2 802 949	1 181 871

В официальные итоги переписи вошли и данные о населении 11 уральских городов, чья численность

превышала 50 тыс. чел. Это: Свердловск, Челябинск, Пермь, Нижний Тагил, Магнитогорск, Златоуст, Надеждинск, Березники, Курган, Лысьва, Каменск-Уральский.

Итоги переписи по Челябинской области, представленные в табл. 1, содержались в докладной записке начальника бюро переписи населения облУНХУ А. Бубнова, направленной 13 июня 1939 г. в обком ВКП (б) и облисполком региона. Он отмечал, что результаты переписи вполне приличные. За период между переписями 1926 и 1939 гг. число жителей области увеличилось на 118,5%, городов и рабочих поселков — на 303,5%¹⁹. Указанные итоги переписи по Челябинской области фигурировали и в докладной записке А. Бубнова секретарю Челябинского обкома ВКП (б) от 14 августа 1939 г.²⁰

Вместе с тем и после обнародования итогов переписи ее результаты продолжали уточняться. К примеру, 4 июля 1939 г. в Бюро переписи населения ЦУНХУ было направлено секретное сообщение исполнявшего обязанности начальника Пермского облУНХУ Тульчинского. В нем говорилось, что в материалах по городской местности края, отправленных на Ленинградскую машиносчетную станцию, численность населения будет больше, так как в телеграмму о горожанах, поданную в ЦУНХУ 26 марта, ошибочно не включили 1043 чел. по г. Кизелу, переписанных особым порядком НКВД²¹.

Официальные данные по переписи 1939 г. вошли в довоенные центральные²² и местные²³ публикации и справочники. В Челябинской области в 1939 г. должно было выйти трехтомное издание, посвященное Южному Уралу. Но был издан только 1-й том²⁴, второй же со сведениями о населении региона так и не увидел свет. На рубеже 1950—1960-х гг. в уральских статистических сборниках вновь были опубликованы официальные итоги переписи 1939 г., которые касались численности городского населения, распределения городов и поселков городского типа по числу жителей региона²⁵.

В 1990-е гг. были введены в научный оборот обширные данные Всесоюзной переписи населения 1939 г., подготовленные к печати сотрудниками ЦУНХУ Госплана СССР в 1939—1940 гг. и долгое время скрытые в архивах. Итоги переписи по Уралу представлены в табл. 2²⁶, данные которой по необъяснимым причинам отличаются от результатов, опубликованных в конце 1930-х гг. (см. табл. 1).

Таблица 2
Численность населения уральских областей по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.

Показатели	Название области		
	Пермская	Челябинская	Свердловская
Численность населения области, чел.	2 087 518	2 801 853	2 511 309
Численность городского населения, чел.	827 588	1 182 231	1 503 588

В 1990-х гг. в научной литературе был поставлен вопрос о достоверности итогов переписи 1939 г. Исследователь В. Б. Жиромская, изучив весь массив публикаций по этой проблеме, выделила три точки зрения на нее. Одни ученые (Ю. Б. Симченко, М. С. Тольц и др.) считали, что перепись фальсифицирована настолько, что использовать представленные в ней данные нецелесообразно. Большинство же исследователей (С. И. Брук, В. А. Исупов и др.), признавая факт фальсификации численности населения в 1939 г., считали ее незначительной и пользовались этой цифрой без каких-либо поправок. Третья группа ученых (В. В. Цаплин, В. Б. Жиромская, Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харьков), также признавая факт фальсификации итогов переписи, полагала, что ими можно пользоваться при внесении соответствующих поправок. При этом ученые второй и третьей группы сходились во мнении, что фальсификация была допущена в незначительных размерах²⁷. Процент неоправданной приписки к результатам переписи у них колебался от 0,9 до 1,4% от всего населения. По мнению В. Б. Жиромской, преднамеренная фальсификация населения СССР во время переписи 1939 г. составила 1,7, а России — 1,6 %²⁸.

В 1990 г. В. Б. Жиромская подняла вопрос о фальсификации численности городского населения страны во время переписи 1939 г.²⁹ и впоследствии рассчитала ее размер. Приписки к численности горожан СССР, по ее мнению, составила 8—10%³⁰, чуть позже она подняла ее размер до 14%³¹. Данный исследователь также сумел вычислить величину неоправданной приписки для российских горожан, она составила примерно 10%³².

Вместе с тем В. Б. Жиромская обратила внимание на то, что не вся приписка к итогам переписи была необоснованной, так как часть заключенных и военнослужащих находилась в городской местности и просто перераспределялась между городами. Тем не менее, основная их масса была приписана к городам из деревень, так как к 1939 г. заключенных в городах, содержавшихся в тюрьмах, было уже немного, большая часть их была переведена в лагеря и трудпоселения³³.

Заслуга В. Б. Жиромской и в том, что она выявила механизм приписки, которая состояла из трех слоев. Первый включал собственно приписку к общему итогу по численности населения СССР, разложенную неравномерно по всем населенным пунктам. Второй слой приписки — это перераспределенные заключенные. В письме начальника ЦУНХУ Госплана СССР И. В. Саутина на имя В. М. Молотова и Л. П. Берия от 10 января 1939 г. говорилось, что органы ЦУНХУ полученные от НКВД переписные листы на заключенных объединяют с переписными материалами по общегражданскому населению и раскладывают условно по городам и селам страны. Так как это значительно изменит итоги численности населения (из-за контингента «В» — заключенных лагерей), то рекомендовалось значительную часть переписных листов, заполненных на заключенных лагерей, находившихся в Приморско-Хабаровском крае, Новосибирской, Свердловской областях и других районах, в которых сосредоточены места

заклучения, перераспределить между другими республиками, краями и областями. В Свердловской области, по результатам спецпереписи НКВД, перераспределению подлежало 67 750 чел.³⁴ Третий слой приписки включал перераспределение военнослужащих, находившихся на военной службе, для сокрытия мест дислокации вооруженных сил³⁵.

В. Б. Жиромская, используя вскрытый ею механизм приписок и черновые материалы переписи, сохранившиеся в архивах, рассчитала процент приписки к итогам численности населения отдельных регионов страны в переписи 1939 г. Данный показатель для всего населения Пермской и Челябинской областей составил 2,2% или соответственно — 44 891 и 60 245 чел. Таким образом, в действительности в Пермской области проживало 2 042 627 чел., а Челябинской — 2 741 608 чел. Эти административно-территориальные образования вошли в число регионов страны без особых экстремальных условий 1930-х гг., поэтому величина приписки для них была небольшой. Свердловская же область относилась к регионам с «избыточным» населением, то есть с обилием заключенных. Поэтому число ее жителей, наоборот, было уменьшено на 0,5%³⁶.

Процент приписки к результатам переписи по городскому населению Пермской и Челябинской областей составил 2%. Скорректированная численность горожан Пермской области составляла примерно 811 тыс. чел., Челябинской — 1158 тыс. чел.³⁷ Очистить от фальсификации результаты переписи горожан Свердловской области не представляется возможным из-за отсутствия сведений о размерах приписки.

Таким образом, введенные в научный оборот результаты Всесоюзной переписи населения 1939 г. и состояние историко-демографических исследований данной проблемы позволили скорректировать численность городского населения Урала в конце 1930-х гг., очистив ее от фальсификаций. При этом они подтвердили достоверность данных предыдущей переписи, признанной дефектной. В 1937 г. городское население Свердловской области, в состав которой входило и Пермское административно-территориальное образование, с учетом спецконтингентов «Б» и «В» НКВД насчитывало 2 106 314, а в 1939 г. (с учетом фальсификаций) — 2 331 176 чел., Челябинской соответственно — 1 182 231 и 1 207 259 чел.³⁸ Цифры свидетельствуют о том, что за прошедшие два года между переписями произошли вполне допустимые изменения численности горожан в соответствии с уровнем естественного и механического движения населения в регионе.

Примечания

1. Жиромская В. Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения // История СССР. — 1990. — № 2. — С. 84—104; Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Опыт оценки численности населения СССР 1926—1941 гг. (краткие результаты исследования) // Вестник статистики. — 1990. — № 7. — С. 34—46; Земсков В. Н. Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. — 1991. — № 2. — С. 74—75; Жиромская В. Б. Численность населения

России в 1939 г.: поиск истины // Население России в 1920—1930-е годы: численность, потери, миграции: сб. науч. ст. — М.: Ин-т росс. истории РАН, 1994. — С. 27—49; Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России: 1927—1959. — М.: Информатика, 1998; Население России в XX в. / отв. ред. В. Б. Жиромская. — Т. 1: 1900—1939 — М.: РОССПЭН, 2000; Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. — М.: РОССПЭН, 2001; Исупов В. А. Живая цифра: к истории переписей населения // ЭКО. — 2001. — № 11. — С. 149—165; Алсуфьев А. А. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: итоги и проблемы достоверности // Вспомогательные исторические дисциплины. — Т. XXXI. — СПб.: Дмитрий Булавин, 2010. — С. 429—435.

2. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. — М.: Наука, 1992; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия / сост. В. Б. Жиромская. — СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. матер. / сост. В. П. Мотревич. — Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002.

3. Айрапетов В. Г. Численность населения, рабочих и служащих Урала по материалам Всесоюзной переписи 1939 г. // Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938—1958): информ. мат-лы. — Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. — С. 27—29; Мотревич В. П. Национальный состав сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.) // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история, историография: сб. науч. тр. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. — С. 108—117; Мотревич В. П. Население Курганского района Челябинской области накануне Великой Отечественной войны (по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г.) // II Емельяновские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. — Курган: Изд-во Курган. ун-та, 2007. — С. 155; Матвеева Н. В. Характеристика немецкого населения по Всесоюзной переписи 1939 г. // Немцы на Урале XVII—XXI вв.: коллективная монография. — Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. — С. 107—112; и др.

4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 50.
5. ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 126—127.
6. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 52; ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 141.
7. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1328. Л. 49.
8. ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 102. Л. 18—19; ЗАО. Ф. Р-242. Оп. 2. Д. 1. Л. 1 об.
9. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1313. Л. 59—60.
10. Пермская область накануне Великой Отечественной войны: сб. док. / сост. В. Г. Светлаков. — Пермь: Пушкин, 2005. — С. 21.
11. МАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 101. Л. 53—54, 59.
12. ЗАО. Ф. Р-242. Оп. 1. Д. 135. Л. 59.
13. О Всесоюзной переписи населения 1939 г. // Плановое хозяйство. — 1939. — № 6. — С. 11.
14. ОГАЧО. Ф. Р-1055. Оп. 2. Д. 97. Л. 166.
15. ГАПК. Ф. Р-564. Оп. 4. Д. 56. Л. 53.
16. См. более подробно: Жиромская В. Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины. — С. 10.
17. См.: ГАПК. Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 842. Л. 119.
18. Сообщение Государственной Плановой Комиссии Союза ССР об итогах Всесоюзной переписи населения СССР // Плановое хозяйство. — 1939. — № 6. — С. 13—14.
19. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 158. Л. 3—4.
20. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 158. Л. 9.
21. ГАПК. Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 842. Л. 94.

22. Бозин Д., Дубровицкий Л. Первые итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г. // Плановое хозяйство. — 1939. — № 6. — С. 27; Саутин И. Население страны социализма // Партийное строительство. — 1939. — № 12. — С. 28; Сулькевич С. Население СССР. — М. : ОГИЗ-Госполитиздат, 1939. — С. 31; СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 мая 1940 года. — М. : Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940. — С. 83, 116, 130.
23. Тиунов В. Молотовская область (Краткий экономический очерк). — Молотов : Облиздат, 1940. — С. 6; Челябинская область (Краткий статистико-экономический справочник). — Челябинск : Челябинский рабочий, 1941. — С. 7.
24. Челябинская область: в 3 т. — Т. 1: Природные богатства и их использование / сост. Н. Е. Борисов. — Челябинск : Облиздат, 1939. — 300 с.
25. См., напр.: Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска : стат. сб. — Челябинск : Госстатиздат, 1957. — С. 14, 17—19; Народное хозяйство Челябинской области : стат. сб. — Челябинск : Госстатиздат ЦСУ СССР Челябинское отделение, 1961. — С. 19, 25.
26. Сост. по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. — С. 126, 232, 288.
27. См.: Жиромская В. Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины. — С. 29—30.
28. Население России в XX веке. — Т. 1. С. 356—357; Жиромская В. Б. Демократическая история России в 1930-е гг. — С. 49—51.
29. Жиромская В. Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов: история подготовки и проведения. — С. 92.
30. Жиромская В. Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины. — С. 39.
31. Жиромская В. Б. Демократическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. — С. 64.
32. Там же. — С. 65.
33. Жиромская В. Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины. — С. 40.
34. См. подр.: Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. — 1990. — № 8. — С. 37, 44—45.
35. Население России в XX веке. — Т. 1. — С. 359; Жиромская В. Б. Демократическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. — С. 53.
36. Население России в XX веке. — Т. 1. — С. 360—362; Жиромская В. Б. Демократическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. — С. 56.
37. Там же.
38. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. — С. 126, 232, 288; Всесоюзная перепись населения 1937 года: : общие итоги : сб. док. и матер. / сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. — М. : РОССПЭН, 2007. — С. 56—57.

Поступила в редакцию 10 января 2013 г.

ЖУРАВЛЕВА Вера Анатольевна в 1979 году с отличием окончила исторический факультет Уральского государственного университета, кандидат исторических наук (1988), доцент, заведующий кафедрой социально-правовых и гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Златоуст (Златоуст, Россия). Научные интересы: история демографии, история населения Урала. E-mail: zhuravlvera@yandex.ru.

ZHERAVLEVA Vera Anatoljevna graduated with honors from the Faculty of History of Ural State University in 1979, candidate of historical sciences (1988), associate professor, Head of Social and Legal Sciences and the Humanities Department, branch of South Ural State University, Zlatoust (Zlatoust, Russia). Scientific interests: history of demography, history of Ural population. E-mail: zhuravlvera@yandex.ru.